

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.8>

УДК 330; 330.3; 330.8; 304.2; 304.4

JEL A12, A13, B50, E24, I25

Место человека в системной экономике¹

Наталья М. ПЛИСКЕВИЧ ✉

Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0003-0860-6229>✉ znplis@yandex.ru

Для цитирования: Плискевич, Н. М. (2022). Место человека в системной экономике. *AlterEconomics*, 19(3), 547–562. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.8>

Аннотация. Поводом к написанию статьи стали размышления над материалами монографии члена-корреспондента РАН Г. Б. Клейнера «Системная экономика: шаги развития», в которой обобщены работы автора последних пяти лет. Понимание и исследование системных свойств экономики особенно актуально в современной ситуации, когда жизненно необходимы существенные изменения российской экономики в связи с наложенными на страну санкциями. Это необходимо для того, чтобы преобразования проводились не хаотично, в соответствии с теми или иными сиюминутными требованиями, а позволили обеспечить долговременную стратегию устойчивого развития национальной экономики. В статье обращается внимание на то, что в новых российских исследованиях системной экономики, тем не менее, человек, который становится в современной (и будущей) экономике знаний ведущей производительной силой, представлен совсем не «системно». Очевидно, что человеческий потенциал не ограничивается лишь инструментальными знаниями, необходимыми для производственной и управленческой деятельности. В условиях перехода к экономике знаний прикладные знания человека должны опираться на прочный фундамент общекультурных и гуманитарных знаний и ценностей. Лишь обладая такой интеллектуальной базой, человек сможет вписаться в экономику знаний и конкурировать с искусственным интеллектом. Тем более, что такой подход подкрепляется законом техно-гуманитарного баланса, согласно которому технологическим усложнениям должны соответствовать и усложнения культурно-психологического потенциала человека. При разбалансировке этих двух компонентов само общество теряет внутреннюю устойчивость. Анализ российской и зарубежной литературы, представленный в статье, подтверждает этот вывод и позволяет дополнить концепцию системной экономики «системным человеком».

Ключевые слова: системная экономика, человеческий потенциал, экономика знаний, интеллектуальная экономика, интеллект, инструментальные знания, общекультурные знания

¹ © Плискевич Н. М. Текст. 2022.

Man in G. Kleiner's theory of economic systems

Nataliya M. PLISKEVICH ✉

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0860-6229>

✉ znplis@yandex.ru

For citation: Pliskevich, N. M. (2022). Man in G. Kleiner's theory of economic systems. *AlterEconomics*, 19(3), 547–562. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.8>

Abstract. This paper takes as a point of departure the author's reflections about the monograph 'System Economics: Steps of Development' written by Russian economist Georgy Kleiner, which summarizes his work in the last five years. The need for a better understanding of economic systems and their characteristics is particularly relevant in the face of the unprecedented sanctions that the Russian economy is now facing. It is essential that the remedial ad hoc measures adopted by the government should be applied in a more structured way and thus provide a foundation for a long-term strategy of national economic development. The new theory of economic systems fails to offer a 'systemic' view on people even though people are becoming the leading productive force in contemporary (and future) knowledge-based economy. It is obvious that human potential is not limited to instrumental knowledge necessary for production and management activities. In the course of the transition to knowledge-based economy, applied knowledge should be based on a more solid foundation of general cultural knowledge and values, which will enable humans to compete with AI. This approach is underpinned by the law of techno-humanitarian balance stating that technological complexity must be balanced with the complexity of human cultural and psychological potential. The imbalance between these two components undermines the internal stability of society. Our review of the existing body of research confirms this conclusion and suggests that Kleiner's theory ("sysnomics") should be supplemented with the concept of "sys-man".

Keywords: economic systems, human potential, knowledge economy, intellectual economy, intelligence, knowledge tools, general cultural knowledge

1. Современная системная экономика по Г. Б. Клейнеру

Новая фундаментальная монография члена-корреспондента РАН Г. Б. Клейнера «Системная экономика: шаги развития» (2021) представляется важным рубежом в развитии отечественных исследований современного общества, его экономического фундамента как слаженной системы, постоянно изменяющейся и усложняющейся со все более возрастающим темпом. Более того, представляет собой современный срез теоретических представлений о системной экономике в нашей стране.

Разумеется, многие читатели уже знакомы с большинством глав данной монографии (или даже со всеми), ибо они были опубликованы в 2017–2021 гг. в различных экономических журналах или сборниках конференций. Однако объединение всех этих работ «под одной обложкой» не только позволяет читателю возобновить в памяти прочитанное ранее, но и ознакомиться с тем, что, возможно, ускользнуло от него в море периодики. Кроме того, сама четко структурированная, логически выстроенная конструкция монографии дает читателю качественно иную объемную картину предмета исследования автора, которую невозможно составить по содержанию одной или нескольких статей¹.

¹ Важно отметить и то, что в исследовательском плане монография является продолжением и развитием изучения Г. Б. Клейнером с 1990-х гг. экономики именно как системы. Данная книга стала своего рода продолжением вышедшей в 2016 г. монографии автора «Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды». М.: ЦЭМИ РАН. (Клейнер, 2016).

В монографии представлен объемный системный взгляд (простите за каламбур) на системную экономику — то исследовательское направление, которому Г. Б. Клейнер посвятил не одно десятилетие своей работы. Этот взгляд опирается на методологические принципы автора, на выстроенный в течение десятилетий работы инструментарий, позволяющий соединять в анализе неоклассический и институциональный подходы к исследованию с общей теорией систем. Такой подход к проблемам — отнюдь не эклектика (на это указывает в своем предисловии и академик В. Л. Макаров). Он находится в русле ряда тенденций современной экономической мысли, представители которой ищут выход из обозначившегося сегодня кризиса экономического знания в синтезе теорий, относящихся к разным школам, концепциям и даже направлениям, чтобы на такой основе найти ответы на вопросы, которые ставит новая экономическая реальность.

Подход Г. Б. Клейнера позволяет группировать разнотипные виды систем — объекты, проекты, процессы, среды — в едином комплексе. В этом комплексе действуют процессы динамической передачи лидерства от одной из систем к другой, образуя цепочку «объект — среда — процесс — проект — объект». Для развития системной экономики особый интерес представляют вариации в этой цепочке, связанные с качественно новым этапом технологического развития, в который мир вступил сегодня. Разумеется, знакомым с работами Г. Б. Клейнера известны эти принципы, но будучи объединенными в более чем 700-страничном томе, они высвечиваются особенно ярко.

Системному взгляду на исследовательскую проблему способствует и четкое структурирование включенных в книгу работ. Так, в первом разделе, названном «Системная экономика: теория и методология», собраны статьи, связанные прежде всего с фундаментальными основами этого направления науки — системной экономики. Причем автор особо выделяет проблемы динамического развития экономических систем, открывая книгу серией статей, посвященных спиральной динамике социально-экономических систем¹, иерархии и двойственности в моделях системной экономики, свойственных ей системным циклам, системным основам цифровой экономики, теме социально-экономических экосистем в контексте пространственно-временного анализа и др. В этот же раздел входят работы, посвященные включению интеллекта в экономику как систему. Это статьи и об интеллектуальной экономике в цифровую эпоху, об «экономике постзнания», и об интеллектуальной теории фирмы, и о системных основах цифровой экономики. Не забыта и такая особая сфера экономической жизни, как мезоэкономика.

Второй раздел объединяет работы, посвященные различным аспектам экономической политики и управления в свете принципов системной экономики. Естественно, что его открывают статьи, связанные с процессами управления на уровне всей страны и предпочтительными, по мнению автора, методами управления большими системами. Выявляются взаимосвязи внутри этих систем, их структура. Описывается комплекс мер, направленных на системную трансформацию экономики России, делаются предложения по совершенствованию доктринальных документов как ориентиров экономической политики государства.

¹ Ценность этой новой концепции, основанной на синтезе теории спиральной динамики Грейвза-Бека-Кована (Graves, 1970; Cowan С. С., Todorovic, 2000; Cowan С. С., Todorovic, 2005) и теории четырехзвенных системных циклов развития экономики (см., например, (Караяннис, Григорудис, 2016), особо отметил в предисловии к книге академик В. Л. Макаров.

Рассматриваются узловые компоненты экономической доктрины России и вписывание в нее национальных проектов — инструментов политики, сыгравших на рубеже 2000–2010-х гг. важную роль в развитии ряда сфер экономической жизни. Особый интерес вызывают предложения Г. Б. Клейнера о системной перезагрузке российского социально-экономического пространства и реконструкции макросубъектной структуры общества — таких ее компонентов, как государство, социум, экономика, бизнес.

Думается, сегодня эти теоретические конструкции и вытекающие из них практические рекомендации становятся особенно актуальными. Ведь переструктуризация, перезагрузка российской экономики в условиях обрушившихся на нее в 2022 г. беспрецедентных санкций стала поистине насущной проблемой. От того, насколько системно будет проведена работа по адаптации экономики к новым условиям, в огромной степени зависит и ее конечный результат. Возможно, специалистам в области экономической политики будет полезно обратиться и к содержанию имеющихся в книге работ о системной трансформации промышленности как «твердого ядра» отечественной экономики, о системной модернизации отечественных предприятий, равно как и финансового сектора.

В книге подчеркивается, что у каждого из секторов структуры экономики и общества есть свои стратегические установки и принципы поведения. В совокупности они должны обеспечивать последовательную реализацию социально-экономического развития страны. Однако «диспропорции в масштабах и «переговорной силе» макросубъектов приводят к нарушению этого принципа» (С. 367)¹. Поэтому автор предлагает свой вариант реконструкции сложившейся системы, учитывающий представительство выделенных макросубъектов и на высшем уровне управленческой иерархии, и на уровнях субъектов Федерации, муниципальных образований, экономических агентов. Он подчеркивает иллюзорность надежд на силы саморазвития отдельных клеточек экономического организма в условиях дисфункций межклеточной социально-экономической среды. В данном случае невозможно обойтись без методов «координации действий и ментальных представлений различных экономических и социальных субъектов», в особенности «методов текущего, перспективного и стратегического планирования» (С. 376, 377). Поэтому Г. Б. Клейнер поднимает и проблему сочетания гуманистического, социального и системного менеджмента как пути к менеджменту XXI в.

С этими темами связано содержание третьего, заключительного, раздела книги — «Экономика России: системные проблемы и решения». В нем собраны работы, которые характеризуют российскую ситуацию и в пространственно-временном, и в структурном планах. Рассматриваются аспекты движения экономической ситуации в стране от «экономики физических лиц» к системной экономике. При этом автор акцентирует особое внимание на разнообразии социально-экономических систем, включенных в исследование. Это дает возможность представить динамически развивающуюся реальность с наибольшей полнотой, «проследить межзональные и межпериодные связи в экономическом пространстве-времени», хотя и затрудняет «таксономию и классификацию различных компонент этой реальности» (С. 539).

Не обойдены вниманием и различные уровни экономической системы — макро-, мезо- и микро-. Автор, в соответствии со своей теорией, идет от макроэкономики,

¹ Здесь и далее цитаты из книги даются в круглых скобках просто с указанием страниц.

которая «образует среду, где протекают макроэкономические процессы формирования и взаимодействия спроса и предложения; функционируют мезоэкономические объекты; реализуются проекты по освоению видов продукции корпоративными структурами» (С. 569). Это приводит его к представлению межуровневой структуры экономики в виде тетрады, в которой существует взаимная связь между макро-, мезо- и микроэкономическими подсистемами и включенной в нее корпоративно-экономической подсистемой, находящейся во взаимосвязи с мезо- и микроподсистемами (С. 569). И дальнейший анализ данной конструкции, по мнению Г. Б. Клейнера, требует углубленного изучения возможности возникновения и развития дисфункций в ней, проблем нивелирования возможных диспропорций между входящими в нее экономическими подсистемами.

Таким образом, содержание книги Г. Б. Клейнера в тех новых условиях, в которых оказалась страна в 2022 г., становится предельно актуальным особенно для управленцев, специалистов в области выработки конкретной экономической политики, призванных в короткие сроки переориентировать отечественную экономику в соответствии с новыми условиями, учитывая все богатство взаимосвязей отдельных ее компонентов. А именно эти взаимосвязи формируют современную системную экономику. Вместе с тем, при всей важности данного аспекта, представляется необходимым затронуть и другой аспект, входящий в тему «системная экономика» в широком смысле слова. Ведь системная экономика — не только институциональная структура, взаимодействие организационных форм разных уровней, комбинации разного рода сетей, программ, проектов и т. д. Системная экономика — это и человек как созидатель, движитель всех этих сложных конструкций и взаимодействий. Тем более, что сама тема человека давно стала особым предметом в семье экономических наук.

2. Какой человек нужен «системной экономике»?

Сам факт рассмотрения человека как активного субъекта, действующего в соответствии со своими ценностями, принципами, знаниями, убеждениями в экономической сфере, и привел в последние десятилетия к развитию целого ряда исследовательских направлений, которые выделились в итоге в особые сферы экономического знания. Тут на ум приходят, например, такие области, как моральная экономика, адепты которой утверждают, что «доктрина свободного рынка опирается скорее на моральную философию, чем на политическую целесообразность» (Коломбатто, 2016. С. 14; Colombatto, 2011. Р. 3). При этом подчеркивается важность апелляции к ценностным суждениям человека, который «не использует позитивную экономическую теорию для того, чтобы оценить желательность человеческих действий. Концепция моральности предполагает такой тест на пригодность тех или иных действий, который заставляет наблюдателя с самого начала сделать явными свои собственные философские критерии» (Коломбатто, 2016. С. 367; Colombatto, 2011. Р. 206). А С. Боулз отмечает важность не только экономических, но и этических стимулов в экономической деятельности и подчеркивает, что если учитывать оба эти источника мотивации, то «политикам стоит возлагать более скромную роль на экономические стимулы при проведении политического курса. Если стимулы подрывают социальные ценности, но и стимулы, и социальные ценности нужны, тогда стоит использовать меньше стимулов и учитывать эффект вытеснения» (Боулз, 2017. С. 26).

Можно вспомнить и о выделении в последние десятилетия других сфер экономического знания, делающих акцент не только на экономической рациональности человека, но и на его ценностных предпочтениях, структуре связанных с их особенностями сообществ, включении в экономический анализ и философских, и психологических, и исторических, и других компонентов, ранее оказывающихся вне поля зрения экономистов. Ярким примером сочетания экономического анализа с эволюцией в ходе развития обществ человеческого фактора (ценностей, идеологии, гражданской культуры и т. д.) является разрабатываемая В. М. Полтеровичем теория сотрудничества, которое призвано в итоге заместить конкурентные отношения. Она позволяет объяснить успехи стран «догоняющего» развития «как результат взаимообусловленного изменения культуры, институтов, технического прогресса и уровня благосостояния», а при переходе к анализу лидирующего социально-экономического развития акцентирует внимание на значении идеологии и феномена технического прогресса в дальнейшей трансформации гражданской культуры: повышении уровней доверия, толерантности, альтруизма и космополитизма, расширении планового горизонта. В итоге происходит «снижение уровня принуждения, встроенного в механизмы власти и конкуренции, и расширение роли сотрудничества» (Полтерович, 2018. С. 6).

Естественно, представляется, что такая по определению синтезирующая накопленные разными отраслями экономического знания конструкция, как системная экономика, не может обойти эту тенденцию. Тем более, что, как отмечал В. М. Полтерович, «для понимания экономических явлений необходим синтез целого спектра общественных наук и наук о человеке» (Полтерович, 2022. С. 52). В современных же условиях, когда быстро развиваются процессы вхождения мировой экономики в область, названную «экономикой знания», когда цифровизация не только производства, но и потребления стала реальностью, а ускорение всех этих процессов очевидно, важно понять, каковы должны быть не только профессиональные, но и общегуманитарные, общекультурные качества человека, вступившего в новую технико-организационную среду.

Нельзя сказать, что в своем анализе Г. Б. Клейнер не затрагивает тему человека. Напротив, она присутствует во многих главах монографии, прежде всего тех, что непосредственно посвящены вписыванию человека в те или иные системы того сложного целого, со всеми его внутренними взаимосвязями, под которым мы понимаем системную экономику. В то же время при чтении книги создается впечатление, что человек вписывается в системную экономику в некоем инструментальном плане как носитель определенного набора знаний, необходимых для квалифицированного исполнения своих производственных функций, организационных способностей, дающих возможность наладить функционирование возглавляемой им системы того или иного уровня, либо связи с контактирующими с его подразделением разнообразными «смежниками», либо более сложной цепи взаимодействий. Здесь также и качества, позволяющие создавать в коллективе или в контактах с контрагентами благоприятную для общения среду, в которой господствуют и взаимопомощь, и доверие. Так, создание интеллектуальной фирмы Г. Б. Клейнер связывает с «необходимостью усилить интеллектуальный потенциал, используемый для решения проблем производства, распределения, обмена и потребления экономических благ» (С. 218). В то же время емкое понятие «интеллект» даже для «интеллектуальной фирмы» оказывается суженным рамками инстру-

ментального экономического анализа. Соответственно, сужаются и требования к функционерам фирмы разного уровня. Собственник «должен обладать интеллектом объектного типа, позволяющим ставить задачи и контролировать их решение на всем пространстве фирмы в течение ее жизненного цикла». От специалиста требуется «интеллект среднего типа, необходимый для обеспечения связанности пространства фирмы за счет функционирования информационных, энергетических, транспортно-логистических и других систем». Интеллект менеджера определяется как интеллект «процессного типа, позволяющий ставить задачи персоналу». Наконец, интеллект работника характеризуется как интеллект «проектного типа», позволяющий «эффективно и в срок решать поставленные менеджментом задачи» (С. 217).

Разумеется, интеллект – понятие весьма емкое, из которого каждый исследователь в зависимости от сферы своего анализа может черпать нужные ему компоненты, расставлять свои акценты. У философов, следующих традициям немецкой классической философии, например, интеллект понимается как способность образования понятий и разум (по И. Канту), метафизических идей (по Г. Гегелю) (Философский энциклопедический словарь, 1983. С. 210). Естественно, экономисты трактуют интеллект в соответствии с требованиями своих исследований. И у Г. Б. Клейнера, в соответствии с поставленной им задачей построения системной экономики, мы встречаем определения интеллекта, встроенные в цепь поставленных ему конкретных задач. Например, в работе об интеллектуальной экономике цифрового века он пишет: «...под интеллектом в общем случае следует понимать способность данной системы взаимодействовать с другими системами с целью обеспечения пролонгирования функционирования данной системы во времени и в пространстве (для объектной, процессной и средовой системы) или обеспечения успешной деятельности этих систем (для проектной системы)... интеллект проявляется в способности данного субъекта работать в системном поле, состоящем из систем разных типов, уровней, масштабов и назначения» (С. 177). То есть для Г. Б. Клейнера «исходным пунктом интеллектуальной деятельности становится система»¹ (С. 178).

Эти и многие другие примеры того, как оперирует Г. Б. Клейнер в своих работах понятием «интеллект», заставляет предположить, что акцент он делает на инструментальных его аспектах. Человек в этом случае вписывается в системную экономику прежде всего как носитель профессиональных, организационных и т. п. знаний и навыков, необходимых для успешной работы на своем месте в системе. Думается, однако, что для такого человека оказывается недостаточно тех качеств, которые позволяют назвать его «интеллектуальным». Этот недостаток не скрашивают и отдельные высказывания о необходимости гуманизации экономики, и ссылки на определения «интеллигентности», данные Л. С. Лихачевым (С. 184), и важность учета сложности и многообразности мира. Хочется, чтобы и человек, включенный в системную экономику, также был многогранным, носителем не только профессиональных знаний или организаторских и управленческих навыков, но чтобы эти навыки опирались на прочный общегуманитарный,

¹ Здесь стоит подумать и над тем, что в данном определении интеллект переносится с человека, способного мыслить, на объект – сферу его деятельности. То есть тут интеллект превращается в метафору (ср. критику В.Л.Тамбовцевым представлений об институтах как способных к реакциям, присутим не им, а человеку (Тамбовцев, 2022)).

общекультурный фундамент. Вряд ли тут стоит соглашаться с Й. Шумпетером, несколько иронически цитируемым Г. Б. Клейнером, что «основательная подготовка и знание дела, глубина ума (руководителя) и способность к логическому анализу иногда могут стать источником неудач» (С. 194).

Более того, сам качественный сдвиг в современной экономике знаний, тем более — в экономике будущего, лишь зачатки которой мы наблюдаем сегодня, предполагает и качественно новую роль в ней человека. Он должен не только легко ориентироваться в ней и по мере необходимости перестраиваться в соответствии и с новыми технологическими потребностями и вызовами, и с новыми способами контактов со своими партнерами во все усложняющемся мире сетевых взаимодействий. Новому миру, на мой взгляд, более соответствует действие закона техно-гуманитарного баланса, сформулированного еще в 1990-е гг. философом и психологом А. П. Назаретяном (см., например, (Назаретян, 2007; 2012; 2014)).

Вкратце суть данной теории состоит в том, что в истории человечества соблюдается закономерная зависимость между тремя переменными — технологическим потенциалом, качеством культурно-психологической регуляции и стабильностью общества. Именно для этой стабильности устойчивого состояния общества не просто важно, но необходимо развитие общегуманитарной культуры ее членов. Причем это касается не только элитных слоев (властных, производственных, научных, культурных и т. п.), но и всех членов общества. Без этого трудно достичь их гармоничного взаимодействия, избежать такого уровня неравенства, которое может перерасти в классовую или межсословную вражду.

Вспомним и Д. Норта, который отмечал: «Специализированные знания приобретают высокую ценность лишь в том случае, когда их можно интегрировать со вспомогательными знаниями ценой небольших затрат. Взаимосвязи, необходимые для обобщения разнообразных знаний, по сути, влекут за собой намного больше, помимо эффективной системы цен, хотя та является необходимой предпосылкой. Потребность в важнейших общественных благах, асимметричность информации и несовместимые экстерналии требуют создания институтов и организаций для обобщения разрозненных знаний при низких транзакционных издержках» (Норт, 2010. С. 173). И хотя Д. Норт делает акцент в соответствии с темой своей книги на создании институтов, призванных осуществлять культурное взаимодействие, все же наиболее важный пункт этих размышлений — сам человек, его возможности и способности к восприятию культурного богатства, и сам являющийся носителем этого богатства. А Э. Тоффлер предупреждал, что одному миллиону безработных не поможет создание пяти миллионов новых рабочих мест, если они не будут обладать знаниями и культурой, без которых работать в новых условиях просто невозможно (Тоффлер, Тоффлер, 2008. С. 548).

В то же время между человеком и окружающей его институциональной и технологической средой существует тесная взаимосвязь. С одной стороны, от качества и технологий, и институтов зависит и мировосприятие, и культурный уровень человека. Без этого он не сможет полноценно существовать в окружающем его мире. С другой стороны, и технологии, и институциональная среда формируются самим человеком. Пусть вначале это касается наиболее передовых слоев общества, но, если не будут учитываться способы связи с другими его слоями, со временем происходит то, что называется «срывом модернизации». Множество таких срывов известно в истории разных стран, в том числе и нашей. Но для того, чтобы начался

модернизационный процесс, особенно в условиях догоняющего развития, необходим хотя бы минимальный человеческий потенциал, ему соответствующий.

В этом плане интересна небольшая глава в книге Д. Аджемоглу и Д. Робинсона о российском парадоксе 1920–1930-х гг. — быстром экономическом развитии при господстве экстрактивных институтов (Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 173–184). Они признают, что построенная большевиками система экстрактивных институтов позволила им «выстроить сильное, централизованное государство и использовать его для перераспределения ресурсов в пользу промышленности. Но, как это часто бывает с ростом, основанным на работе экстрактивных институтов, он не был связан с техническим прогрессом, а потому не мог быть устойчивым. Однажды замедлившись, он быстро сошел на нет» (Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 183). Думается, недостаток анализа американских ученых состоит в том, что они начинают историю нашей страны только как страны — СССР, когда ставшие у власти большевики начали формировать свои экстрактивные институты¹. Однако при этом забывается почти полувековой период развития России после начала реформ Александра II. А он важен потому, что именно в этот период шло постепенное формирование достаточно массового слоя людей и по общей культуре, и по профессиональным знаниям способных стать движителями быстрого промышленного роста страны. Этот эволюционный период был достаточно долгим (см. об этом, в частности, (Балацкий, Плискевич, 2017)). Не случайно первый период быстрого экономического роста пришелся уже на царствование Александра III². Главное — эта полувековая история страны (при всех препятствующих тому мерах) дала возможность доступа к образованию талантливых людей из всех слоев общества.

Так, по расчетам Б. Н. Миронова, если в 1863 г. среди студентов университетов 64,6 % были дворяне, то к 1914 г. их доля сократилась до 29,2 %. Среди учащихся мужских гимназий (добавлю, что к рубежу XIX–XX вв. уже была создана развитая сеть женских гимназий) эти доли составляли, соответственно, 73,1 и 32,5 %. При этом резко возросла доля горожан разных сословий (среди студентов университетов с 23,5 до 42,0 %, а среди гимназистов — до 37,4 %) и крестьян (среди студентов с 1,6 до 20,8 %, среди гимназистов — до 20,0 %)³ (Миронов, 2003. Т. 1. С. 139).

Кроме того, в те годы складывалась особая среда, входящие в которую помимо получаемых ими профессиональных знаний общались с представителями других сфер деятельности, учеными, людьми науки, литературы, искусства. В ходе общения человек, попавший в этот круг, естественно обменивался культурным багажом со своими коллегами. И чтобы быть полноценным членом этой среды, нужно было расширять свой культурный кругозор. Кроме того, в этой среде подрастали дети, и к 1890-м гг. они уже представляли наиболее активное в экономическом, социальном и культурном плане поколение. Значимость этой среды не менее важна для оценки причин экономического роста конца XIX в., чем существенные сдвиги в системе образования.

Известно, что миллионы этих людей и пали жертвой Первой мировой и Гражданской войн и вынуждены были эмигрировать (кое-кто из них внес нео-

¹ Опускаю полемику тех лет о путях экономического развития страны и, соответственно, необходимости и иных институтов, так как все это не было реализовано.

² Опускаю здесь тему начала формирования инклюзивных институтов, которые еще во многом сочтались с господствующими экстрактивными, так как главное в данном случае — человеческий потенциал.

³ За 1863 г. по горожанам и крестьянам — гимназистам данных нет.

ценимый вклад в науку, технологии, культуру принявших их стран), но большинство осталось. И на плечах этого большинства стали развиваться и советские наука и искусство, и проводилась индустриализация страны. Вот как, например, писал о таких людях А. И. Солженицын: «Мне пришлось воспитываться как раз в инженерной среде, и я хорошо помню инженеров двадцатых годов: этот открыто светящийся интеллект, этот свободный и необидный юмор, эта легкость и широта мысли, непринужденность переключения из одной инженерной области в другую и вообще от техники — к обществу, к искусству. Затем — эту воспитанность, тонкость вкусов; хорошую речь, плавно согласованную и без сорных словечек; у одного — немножко музицирование; у другого — немножко живопись; и всегда у всех — духовная печать на лице» (Солженицын, 2011. С. 131).

И если у Д. Аджемоглу и Д. Робинсона мы видим недоучет качества имевшегося в первые десятилетия существования СССР человеческого потенциала, то анализ последних его десятилетий и причин крушения, думается, также требует учета воздействия в нем на человека господствующей системы институтов, в данном случае — экстрактивных. Начавшаяся в 1920–1930-е гг. «культурная революция», как и всякое массовое явление, к тому же нацеленное на быстрый результат, не смогла (да и не могла) вырастить массового человека, соответствовавшего новым потребностям страны. Более того, сами эти потребности входили в противоречие друг с другом. С одной стороны, технический прогресс диктовал необходимость подготовки соответствующего ему работника, получения им достаточных для его деятельности и саморазвития знаний, которые (у всех по-разному) повышали «разрешающую способность человеческого сознания», что в конечном счете восставало против «жестко детерминированного малоподвижного мира», в котором он жил, порождало нарастание индивидуализма. С другой стороны, вся выстроенная система экстрактивных институтов, направленная на стабилизацию общества и эксплуатирующая исторически укорененные принципы соборности, тормозила развитие личности, сужала рамки ее культурных потребностей до образцов массовой культуры, выводила за рамки ее интересов и политику, и общие экономические проблемы¹. Процессы «культурной революции» кратко и емко охарактеризовал академик М. Л. Гаспаров: «...культура распространяется не вглубь, а вширь, образованность мельчает». И далее: «...чем дальше, тем больше подчеркивается, что образованность и интеллигентность – вещи разные, что можно много знать и не быть интеллигентом, и наоборот... главный критерий здесь уже не умственный, а нравственный коллаборационист, который несет свои умственные способности на службу советской власти, – он не настоящий интеллигент» (Гаспаров, 2008. С. 192). В результате «культурная революция» (как и ряд других) оказалась половинчатой и незавершенной (см., например, (Вишневский, 1998)). Формирующийся в этих условиях индивидуализм вел к атомизации общества и приобретал у многих агрессивно-адаптационный характер.

Все это сказалось в период горбачевской перестройки и последующих реформ. По своему глубинному характеру они были ответом, скорее всего запоздалым, «на эволюцию Homo soveticus'a от соборности к автономности. Но до полного завершения этого фундаментального сдвига далеко и сегодня» (Вишневский, 1998. С. 184).

¹ Разумеется, речь идет о массовом явлении. В советском обществе было много людей, составляющих не только отечественную, но и мировую гордость в различных сферах жизни. Но не будем забывать и о тех трудностях, с какими им приходилось сталкиваться, живя в советской институциональной среде.

В то же время такой характер культурного развития в советский период не мог не сказаться и на такой приоритетной для руководства страны сфере, как военно-техническая. Не случайно академик Ю. А. Рыжов, работавший в области авиации и космонавтики, писал, что уже к концу 1970-х гг. у него «стали накапливаться основания задумываться о причинах нарастающего отставания страны в социальном, экономическом и технологическом отношениях». К тому времени у него «сложились регулярные контакты с представителями элиты научного и конструкторского сообщества, обеспечивающего ВПК в авиационно-ракетной и космической сферах». Беседы с ними привели к тому, что они уже тогда «ощутили приближение заката этой славной эпохи науки и техники» (Рыжов и др., 2011. С. 134). Именно эти разговоры и размышления привели академика к идее формирования новой концепции национальной безопасности с изменением ее приоритетов с традиционной последовательности «государство — общество — человек» на «человек — общество — государство».

Даже приведенные примеры показывают, что «культурная революция» 1920–1930-х гг., да и последующая практика в сфере образования, хотя и привела к огромному рывку в сфере массового образования населения и подготовила его к переходу к индустриальному этапу развития страны, все же со временем все более и более отставала от требований, выдвигаемых новыми мировыми прорывами в научно-техническом развитии.

Акцент на инструментальных, профессиональных знаниях и пренебрежение общекультурной, общегуманитарной составляющей развития личности, ограничение этой области стандартными клише из общественных наук и потребление образцов массовой культуры в современных условиях экономики знаний оказывается фактором противоречия между уровнем технологического потенциала и возможностями культурно-психологической регуляции. А это, в свою очередь, согласно закону техно-гуманитарного баланса сказывается и на внутренней устойчивости общества.

И сегодня в своей образовательной политике государство по-прежнему придерживается инструментальных целей, делая упор на информатике и иных представляющихся перспективными естественнонаучных дисциплинах. В сфере же общественных и гуманитарных наук нередко насаждение старых, вроде бы проверенных клише, якобы укрепляющих устойчивость и единство общества. Между тем давно уже идет речь о его атомизации, неверии в государство: согласно разным опросам социологов, установлен следующий парадокс. Хотя в течение всего прошедшего периода XXI в. порядка 80 % населения полагают, что государство должно оказывать им помощь в трудных ситуациях, но те же 80 % не верят в возможность получения такой помощи. А согласно Европейскому социальному исследованию (опрос 2018 г.), Россия оказалась на пятом месте среди всех включенных в опрос европейских стран по числу придерживающихся индивидуалистических ценностей (Магун, Руднев, 2021).

В такой ситуации наша страна должна заботиться не только о вертикальных связях и в экономике и в обществе в целом, но и о создании условий для развития горизонтальных связей, о поощрении систем самоорганизации в разных сферах жизнедеятельности. Но для этого требуется и более высокий уровень доверия, и в целом более широкая общекультурная подготовка. Это, как представляется, составляет одну из важнейших задач системной экономики. Такое вплетение го-

горизонтальных связей, как показывает мировая практика, не только способствует экономическому росту, но и создает условия для проявления низовой инициативы. А это, в свою очередь, ведет к формированию массовой моральной ответственности личности, стимулирует ее стремление к постижению общекультурных ценностей.

Именно такая личность – и свободная в высоком смысле этого слова, и ответственная, сдерживаемая укорененными в ней этическими ориентирами, которые опираются на прочную общегуманитарную и общекультурную основу, способна преодолеть диссонанс между возможностями новых технологических достижений и культурно-психологическим состоянием общества, а следовательно, укрепить его устойчивость. Зреет не только потребность в такой личности, но и объективная необходимость ее формирования, естественно – медленного, в условиях качественного изменения технологических условий. По-новому начинает складываться ментальность акторов социально-экономических отношений (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011).

Если же думать о перспективе, то с дальнейшим развитием научно-технического прогресса потребность в совершенствовании не только инструментальных, но и общекультурных знаний человека диктуется также и тем, что в перспективе (возможно, и не столь далекой) ему предстоит соревнование и с искусственным интеллектом. В этом соревновании он может проявить себя достойно лишь в случае, если будет опираться на развитые качества, присущие именно развитому человеческому интеллекту. Тут и интуиция, и способность к образному мышлению, к оригинальным, не просчитываемым механически озарениям, и иные качества. Но такие качества невозможно развить, не опираясь на фундамент широкого общекультурного знания, на знание как классической, так и современной музыки, изобразительного искусства, театра, авторского кинематографа и т. п. А укорененность этических, общегуманитарных принципов способна уберечь носителей новых инструментальных знаний от применения их во вред другим.

Таким образом, новый этап научно-технического развития требует и нового массового человека, соответствующего изменяющейся технологической и социально-экономической ситуации. Разумеется, экономисты не могут не думать о путях решения задачи включения в свой анализ человека как носителя новых свойств. Например, Л. П. и Р. Н. Евстигнеевы предлагали радикальный путь решения проблемы: рассматривать ментальность человека не как экзогенный фактор в экономическом анализе, а включить его внутрь этого анализа: «...в эпоху, которая наступает, ментальность становится важнейшей экономической категорией, определяющей уровень и состав социальной энергетики развития и экономического роста». Она – «не только носитель социального тонуса, но и важнейший фактор социальной (а значит, и экономической, и политической) стабильности в обществе. Причем речь идет о стратегической устойчивости общества» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 179). Как мы видим, здесь анализ экономистов совпадает с философской концепцией техно-гуманитарного развития.

Что же касается концепции системной экономики, думается, сама ее идея предполагает вписывание в нее человека как активного субъекта со всем богатством накопленного им интеллектуального потенциала. Ограничение анализа этого потенциала только инструментальными знаниями, необходимыми ему либо как управленцу в сложной социально-экономической системе, либо как инженерно-техни-

ческому или научно-конструкторскому специалисту, явно обедняет анализ, делает этого важного актора системной экономики недостаточно «системным». При этом сама сложность и многомерность конструкции системной экономики при включении внутрь не общегуманитарных и общекультурных компонентов скорее всего может затруднить восприятие целостности этой конструкции. Целесообразнее, на мой взгляд, при рассмотрении включенных в нее инструментальных компонентов человеческого интеллекта особый акцент делать на их качественных особенностях. А как раз последние зависят от того, насколько их носитель владеет общегуманитарными и общекультурными знаниями как экзогенными и насколько грамотно, а возможно и артистично, умеет их применять.

Кроме того, в структуру конструкции системной экономики имеет смысл внести специальный блок, связанный с другими ее компонентами и посвященный выстраиванию системы образования и культурного развития человека как важнейшего элемента производительных сил настоящего и особенно будущего. В этом случае расходы на образовательную и культурную деятельность обретут теоретическую основу для перевода их из «затрат» по ведомству «социальная политика» в инвестиции в создание качественной производительной силы – человека. Об этом неоднократно, но в рамках экономики социальной сферы, говорил А. Я. Рубинштейн (см., например, (Рубинштейн, 2019. С. 118).

Таким образом, проведенный анализ российской и зарубежной литературы подтверждает необходимость дополнить концепцию системной экономики «системным человеком».

Список источников

Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. (2016). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ.

Балацкий, Е. В., Плискевич, Н. М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события. *Мир России*, 26(4), 97-117. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-97-117>.

Боулз, С. (2017). *Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан*. М.: Издательство Института Гайдара, 332.

Вишневский, А. Г. (1998). *Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ, 432.

Гаспаров, М. Л. (2008). *Записи и выписки*. М.: Новое литературное обозрение, 387.

Евстигнеева, Л. П., Евстигнеев, Р. Н. (2011). *Новые грани ментальности: синергетический подход*. М.: ЛЕНАНД, URSS, 189.

Караяннис, Э., Григорудис, Э. (2016). Четырехзвенная спираль инноваций и «умная специализация»: производство знаний и национальная конкурентоспособность. *Форсайт*, 10(1), 31-42. DOI: <https://doi.org/10.17323/1995-459x.2016.1.31.42>.

Клейнер, Г. Б. (2016). *Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды*. М.: ЦЭМИ РАН, 856.

Клейнер, Г. Б. (2021). *Системная экономика: шаги развития. Предисловие академика В. Л. Макарова*. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 746.

Коломбатто, Э. (2016). *Рынки, мораль и экономическая политика: новый подход к защите экономики свободного рынка*. Пер. с англ. под науч. Ред. Гр. Сапова. М.: Мысль, 500.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. (2021). За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии. *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. Под ред. К. Рогова. М.: Новое литературное обозрение, 325-353.

- Миронов, Б. Н. (2003). *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. В 2 т. Т. 1. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 548.
- Назаретян, А. П. (2007). *Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М.: Издательство ЛКИ, 256.
- Назаретян, А. П. (2012). Технология, психология и антропогенные катастрофы: к изучению устойчивых зависимостей. *История и современность*, 1(15), 43-69.
- Назаретян, А. П. (2014). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. М.: Аргамак-Медиа, 508.
- Норт, Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 256.
- Полтерович, В. М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура. *Вопросы экономики*, 11, 5-26. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26>.
- Полтерович, В. М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов. *Вопросы теоретической экономики*, 1(14), 48-57. DOI: https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57.
- Рубинштейн, А. Я. (2019). О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе. *Вопросы теоретической экономики*, 1, 116-132. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00009.
- Рыжов, Ю. А. и др. (2011). *Россия на рубеже веков 1991-2011*. М.: РОССПЭН, 159.
- Солженицын, А. И. (2011). *Архипелаг ГУЛАГ*. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 1279.
- Тамбовцев, В. Л. (2022). Что могут делать институты? Метафоры организационного институционализма. *Вопросы теоретической экономики*, 2(15), 22-38. DOI: https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_2_22_38.
- Тоффлер, Э., Тоффлер, Х. (2008). *Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь*. М.: АСТ; Профиздат, 569.
- Философский энциклопедический словарь* (1983). М.: Советская энциклопедия, 840.
- Cowan, C. S., Todorovic, N. (2000). Spiral Dynamics: The Layers of Human Values in Strategy. *Strategy & Leadership*, 28(1), 4-12. DOI: <https://doi.org/10.1108/10878570010335912>.
- Cowan, C. S., Todorovic, N. (Eds.). (2005). *The Never Ending Quest: Dr. Clare W. Graves Explores Human Nature*. Santa Barbara, CA: ECLET Publishing, 570.
- Graves, C. W. (1970). Levels of Existence: An Open System Theory of Values. *The Journal of Humanistic Psychology*, 10(2), 131-155. DOI: <https://doi.org/10.1177/002216787001000205>.

References

- Acemoglu, D. & Robinson, J. (2016). *Pochemu odni strany bogatyee, a drugiye bednyye. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety [Why Nations Fail. The Origin of Power, Prosperity, and Poverty]*. Moscow, Russia: AST. (In Russ.)
- Balatsky, E.V. & Pliskevich, N.M. (2017). Ekonomicheskiy rost v usloviyakh ekstraktivnykh institutov: sovetskiy paradoks i sovremennyye sobytiya [Economic Growth under Extractive Institutions: the Soviet Paradox and Contemporary Events]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 26(4), 97-117. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-97-117>. (In Russ.)
- Bowles, S. (2017). *Moral'naya ekonomika, Pochemu khoroshie stimuly ne zamenyat khoroshikh grazhdan [The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens]*. Moscow, Russia: Publishing House of Gaydar Insitute, 332. (In Russ.)
- Carayannis, E. & Grigoroudis, E. (2016). Chetyrekhzvennaya spiral' innovatsiy i «umnaya spetsializatsiya»: proizvodstvo znaniy i natsional'naya konkurentosposobnost' [Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness]. *Foresight and STI Governance*, 10(1), 31-42. DOI: <https://doi.org/10.17323/1995-459x.2016.1.31.42>. (In Russ.)

Colombatto, E. (2016) *Rynki, moral' i ekonomicheskaya politika: novyy podkhod k zashchite ekonomiki svobodnogo rynka [Markets, Morals, and Policy-Making. A New Defense of Free-Market Economics]*. Translated from English. In Gr. Sapov (Eds.). Moscow, Russia: Mysl', 500. (In Russ.)

Cowan, C. C. & Todorovic, N. (2000). Spiral dynamics: The Layers of Human Values in Strategy. *Strategy & Leadership*, 28(1), 4-12. DOI: <https://doi.org/10.1108/10878570010335912>.

Cowan, C. C. & Todorovic, N. (Eds.). (2005). *The Never Ending Quest: Dr. Clare W. Graves Explores Human Nature*. Santa Barbara, CA: ECLLET Publishing, 570.

Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' (1983). [*Philosophical Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, USSR: Sovetskaya entsiklopediya, 840. (In Russ.).

Gasparov, M. L. (2008). *Zapisi i vypiski [Proceedings and abstracts]*. Moscow, Russia: NLO Books, 387. (In Russ.)

Graves, C. W. (1970). Levels of Existence: An Open System Theory of Values. *The Journal of Humanistic Psychology*, 10(2), 131-155. DOI: <https://doi.org/10.1177/002216787001000205>.

Kleiner, G. B. (2016) *Ekonomika. Modelirovaniye. Matematika. Izbrannyye trudy [Economics. Modelling. Mathematics. Selected works]*. Moscow, Russia: CEMI RSSI, 856. (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2021) *Sistemnaya ekonomika: shagi razvitiya. Predisloviye akademika V. L. Makarova [System economics: the milestones in development. Foreword by Academician V. L. Makarov]*. Moscow, Russia: Publishing House "Scientific Library", 746. (In Russ.).

Magun, V. S. & Rudnev, M. G. (2021). Za predelami "cheloveka sovetskogo": rossiyanе v yevropeyskoy tsennostnoy tipologii [Beyond the Soviet Man: Russians in the European Value Typology]. *Demontazh kommunizma. Tridtsat' let spustya [Dismantling Communism. Thirty years later]*. Moscow, Russia: New Literary Review, 325-353. (In Russ.)

Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX vv.). Genезis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. V 2 t. [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII - early XX century). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]*. In 2 volumes. Volume 1. St. Petersburg, Russia.: Publishing house "Dmitriy Bulanin", 548. (In Russ.)

Nazaretyan, A. P. (2007). *Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: Oчерki po evolyutsionno-istoricheskoy psikhologii [Anthropology of Violence and Culture of Self-Organization. Essays on Evolutionary-Historical Psychology]*. Moscow, Russia: Publishing House LKI, 256. (In Russ.)

Nazaretyan, A. P. (2012). Tekhnologiya, psikhologiya i antropogennyye katastrofy: k [Technology, psychology and anthropological catastrophes: about studying dependences]. *Istoriya i sovremennost' [History and Modernity]*, 1(15), 43-69. (In Russ.)

Nazaretyan, A. P. (2014). *Nelineynoye budushcheye. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psikhologiya v global'nom prognozirovanii [Nonlinear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]*. Moscow, Russia: Argamak-Media, 508. (In Russ.).

North, D. (2010). *Ponimaniye protsessа ekonomicheskikh izmeneniy [Understanding the process of economic change]*. Translated from English by K. Martynov, N. Edelman. Moscow, Russia: Publishing House of HSE, 256. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2018). K obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast' 1. Geografiya, instituty ili kul'tura [Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions, or culture]. *Voprosy ekonomiki*, 11, 5-26. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26>. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2022). Na puti k obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: k sintezu dvukh kanonov [On the way to a general theory of socio-economic development: towards the synthesis of two canons]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical economics]*, 1(14), 48-57. DOI: https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57. (In Russ.)

Rubinshtein, A. Ya. (2019). O provalakh gosudarstva i nesostoyavshikhsya reformakh v gumanitarnom sektore [About State Values and Failed Reforms the Humanitarian Sector]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics]*, 1, 116-132. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00009. (In Russ.)

Ryzhov, Yu. A. et al. (2011). *Rossiya na rubezhe vekov 1991-2011 [Russia at the turn of the century 1991-2011]*. Moscow, Russia: ROSSPEN, 159. (In Russ.)

Solzhenitsyn, A. I. (2015). *Arhipelag GULAG [The Gulag Archipelago]*. Moscow, Russia: Publishing House ALFA-KNIGA, 1279. (In Russ.)

Tambovtsev, V. L. (2022). Chto mogu delat' instituty? Metaforы organizatsionnogo institutsionalizma [What can institutions do? Metaphors of the organizational institutionalism]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics]*, 2(15), 22-38. DOI: https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_2_22_38. (In Russ.)

Toffler, A. & Toffler, H. (2008). *Revolyuetsionnoye bogatstvo. Kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn' [Revolutionary wealth. How it will be created and how it will change our lives]*. Moscow, Russia: AST; Profizdat, 569. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (1998). *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Sickle and ruble. Conservative modernization in the USSR]*. Moscow, Russia: United Humanitarian Publishing House, 432. (In Russ.)

Yevstigneyeva, L. P. & Yevstigneyev, R. N. (2011). *Novyye grani mental'nosti: sinergeticheskiy podkhod [New facets of mentality: a synergetic approach]*. Moscow, Russia: LENAND, URSS, 189. (In Russ.)

Информация об авторе

Плискевич Наталья Михайловна – старший научный сотрудник, Институт экономики РАН; <https://orcid.org/0000-0003-0860-6229> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский просп. 32; e-mail: znplis@yandex.ru).

About the author

Nataliya M. Pliskevich – Senior Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-0860-6229> (32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: znplis@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 20.04.2022.

Прошла рецензирование: 15.06.2022.

Принято решение о публикации: 15.07.2022.

Received: 20 Apr 2022.

Reviewed: 15 Jun 2022.

Accepted: 15 Jul 2022.